

ДЖЕССИКА КЪЯРЕЛЛА

ДЖЕССИКА КЪЯРЕЛЛА

ПРОПАВШИЕ ДЕВУШКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К97

Серия «Психологический триллер»

Jessica Chiarella
THE LOST GIRLS

Перевод с английского *М. Прокопьевой*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения G.P. Putnam's Sons,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Кьярелла, Джессика.

К97 Пропавшие девушки : [роман] / Джессика Кьярелла ; [перевод с английского М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-164092-7

Мэгги Риз исчезла при странных и непонятных обстоятельствах. Единственным свидетелем была ее восьмилетняя сестра Марта, но все, что девочка запомнила о том страшном дне, — как Мэгги села в машину с неизвестным мужчиной и больше не вернулась.

Двадцать лет спустя боль утраты все так же сильна, и Марта справляется с семейной трагедией по-своему: разводится с мужем, страдает от регулярного похмелья и проверяет бесчисленные зацепки по этому делу, ни одна из которых не приблизила ее к разгадке ни на шаг. Свои поиски она документирует через подкаст о настоящих преступлениях «Неизвестная», и когда он неожиданно становится сенсацией, из ниоткуда появляется таинственная незнакомка с новой информацией. Чем больше Марта начинает копать, тем больше ее потрясают ответы, которые она может найти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jessica Chiarella, 2021

© Перевод. М. Прокопьева, 2021

ISBN 978-5-17-164092-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Посвящается Мэтту и Сьюзан

...Когда она наиболее тесно сочетается с красотой...

Итак, смерть красивой женщины, несомненно, есть самый поэтический замысел, какой только существует в мире.

Эдгар Аллан По

Глава 1

Мир полон пропавших девушек. Их великое множество. Это девушки, которые растворяются в ночи, которые вкалывают себе героин и исчезают с лица земли, которые влюбляются в других девушек, а потом, вернувшись домой, обнаруживают, что родители сменили замки. Девушки, которые убегают сами, девушки, которых похищают. Грешные девушки, чей интерес к противоположному полу сильнее любви к Иисусу. Девушки, которых запирают в подвалах и держат там, пока они не произведут на свет очередных девушек. Их общий вес мог бы пустить ко дну корабли целого флота. Мне все про них известно. Знать эти вещи — моя работа.

Запись льется из динамиков в переполненном зале театра в Мидтауне. Свет на время выключен, а над сценой парит логотип в виде радиомикрофона в стиле ретро, освещенный фиолетовыми неоновыми лучами. Словно распятие в церкви.

Одних девушек ищут. Иногда за дело берется полиция, иногда проводятся бдения при свечах, добровольцы открывают горячие линии, на местных новостях появляются убитые горем родители, умоляющие о помощи. Других никто

даже не пытается разыскать. Если они вели себя неподобающим образом и имели подпорченную репутацию, родились в неподходящем месте или в неподходящей семье, им позволяют просто исчезнуть. Бывает и так, что никто даже не знает о том, что девушка пропала. Потому что до нее изначально никому не было дела. В этом смысле моей сестре повезло: ее любили. Ее искали. И не думаю, что когда-нибудь я перестану ее искать.

Я стою у барной стойки слева от зрителей и чувствую, как ко мне приближается мужчина. Мне даже не нужно смотреть в его сторону, я просто это чувствую, словно статическое электричество на волосках на руке. Подобное шестое чувство формируется у тех, чья жизнь похожа на мою. Такой у меня дар. По этому поводу друзья в колледже подшучивали надо мной, говорили, что я обладаю какими-то экстрасенсорными способностями. Конечно, это неправда. Просто я очень внимательна.

По моим подсчетам моя сестра была шестнадцатой пропавшей девушкой за всю столетнюю историю Сатклифф-Хайтс, штат Иллинойс, и одной из двух похищенных — хотя другой была шестилетняя девочка, которую отец увез в Висконсин в ходе судебного процесса об опеке в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Спустя два дня та девочка вернулась живой и здоровой, как только полиция объявила ее в розыск. Остальные в основном сбежали из дома сами. Девушки, работавшие на крупных фабриках в Чикаго в начале

сороковых. Сообразительные подростки, которых в шестидесятые сманили на запад калифорнийскими обещаниями. С Мэгги все было совсем не так.

Он заказывает выпить, «Саузен Комфорт» с колой, и напиток липнет ко льду в бокале, будто сироп. Я и не глядя знаю, кто он. Если бы он заказал индийский светлый эль, то оказался бы одним из молодых продюсеров в твидовом пиджаке с энциклопедическим знанием аудио-оборудования. Если виски — значит, бойкий журналист, занимающийся расследованиями. Наверняка его голос хорошо звучит на радио, и вещать ему удастся чуть лучше, чем писать. Но «Саузен Комфорт» с колой? Да это инвестор, один из тех типов, которые финансируют продюсерские компании, потому что вычитали где-то, что подкасты начинают приносить немалую прибыль, а на то, чтобы заниматься техникой, им не хватает мозгов.

Мэгги пропала шестнадцатого октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Она села в машину с каким-то мужчиной. Возможно, это был ее знакомый. Возможно, она чем-то привлекла его внимание, когда в тот день возвращалась домой. Этого мы не знаем. Не знаем даже, что это была за машина — то ли синий, то ли серый, то ли серебристый седан. В сумерках трудно было разглядеть, особенно восьмилетнему ребенку. Особенно испуганному. Я бросилась бежать, как только Мэгги отпустила мою руку. Она осталась на месте, а я помчалась домой. Я убежала, потому что она мне так велела. Это было последнее, что сказала мне сестра.

Звук стихает, зал взрывается аплодисментами, а на экране появляются слова: «“НЕИЗВЕСТНАЯ”, номинант в категории “Лучший многосерийный дебют”». Сверху курсивом тонкими золотистыми буквами написано: «Ежегодная церемония вручения награды АПА». Выглядело бы утонченно, если бы пол возле бара до сих пор не был липким после состоявшегося вчера в этом зале рок-концерта.

— Вот этот и победит, — говорит мужчина рядом со мной, потягивая напиток через крошечную соломинку.

На нем пиджак поверх футболки с V-образным вырезом. Волосы, подстриженные в стиле «фейд» и приглаженные дорогой помадой, слишком ярко блестят в отсветах софитов. Слегка выпирающий живот нависает над пряжкой пояса. Видимо, спортзалу не под силу одолеть все эти сахаросодержащие напитки.

— Откуда такая уверенность? — спрашиваю я, а его рука тем временем скользит по барной стойке и почти касается моего локтя. Кажется, он не собирается в ближайшее время возвращаться на место.

Чертовое платье — вот в чем проблема. Это платье моей подруги и соавтора Андреа, она убедила меня надеть его, утверждая, что *кто-то* должен и дальше получать удовольствие от одежды, которую она носила до беременности. А я согласилась, даже не подумав о том, что и без каблуков на три дюйма выше ее, а сегодня я на каблуках. Платье короткое и как будто заявляет о каких-то намерениях, словно я героиня судебного сериала девяностых, пытающаяся сделать громкое заявление на тему моды и феминизма. Я решила

как можно больше стоять во время этого нескончаемого мероприятия, а значит, мне приходится ошиваться около бара и заказывать напитки с невероятной даже для меня скоростью. При этом я, судя по всему, выгляжу так, будто весь вечер ждала, когда мужчина, у которого волосы на груди торчат сквозь футболку из натурального хлопка, начнет оказывать мне знаки внимания.

— Все любят истории о мертвых девушках, — говорит он. — Люди просто обожают подобную муть.

— Пропавших. О пропавших девушках, — уточняю я, и мой собеседник, слизывая капли коктейля между большим и указательным пальцами, издает на удивление высокий смешок.

— Да она точно мертва! Быть не может, чтобы выжила. — Он делает большой глоток. — Отстой... Шоу, которое продюсирует моя компания, намного лучше.

— Да ну? Это какое же? — без всякого выражения спрашиваю я, потягивая сухой martini.

Вот она я, девушка в коротком платье, с коротко стриженными волосами, играю отведенную мне роль, как и все остальные. Ношу растушеванные тени. Пью терпкие напитки. Крутая и хитрая, как суперзвезда с картины Уорхола.

— «Шоу Чака Хоффмана», — отвечает он.

Слышала про такое. Чак Хоффман пытается подражать Бену Шапиро, но, скорее, попадает в одну категорию с Алексом Джонсом*.

* Бен Шапиро — американский консервативный радиоведущий и политический комментатор; Алекс Джонс — американский радиоведущий, пропагандирующий теории заговоров. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Это награда за лучший дебют, — говорю я. — Уверена, ваше шоу в другой категории.

— Ну и ладно, — говорит он. — Оно все равно лучше. Никаких мертвых девушек.

— Может, вы, ребята, просто недостаточно стараетесь, — отвечаю я, и он снова начинает пьяно хихикать.

— Мило, — говорит он, как будто приятно удивлен моим остроумием. Кончиком пальца он, словно экспериментируя, проводит по моей руке. — А ты забавная.

На секунду позволяю себе вообразить, как разбиваю бокал о его переносицу. Интересно, что проще разбить — ножку бокала для мартини или мягкие ткани его лица? Впрочем, время неподходящее. На сцене к микрофону подходит женщина в платье с блестками. На темном экране у нее над головой появляются слова, и она зачитывает названия:

ЛУЧШИЙ МНОГОСЕРИЙНЫЙ ДЕБЮТ

«ТЕАТР АБСУРДА»

«ЧЕМПИОНЫ С МЕСТА СОБЫТИЙ»

«СОЛГИ МНЕ»

«НЕИЗВЕСТНАЯ»

— Тебя как зовут? — спрашивает мужчина.

— Марти, — честно отвечаю я, потому что не могу здесь назвать свой обычный псевдоним, а значит, делать нечего, приходится сказать правду.

По залу разносятся аплодисменты.

12 — Ну, что я говорил? — спрашивает он.

— Что? — переспрашиваю я.

Он указывает на сцену. На экране тем же самым золотистым шрифтом написано: «“НЕИЗВЕСТНАЯ”, победитель в категории “Лучший многосерийный дебют”».

— Так что мне будет за то, что я угадал?

Похоже, он собой чрезвычайно гордится. Вытаскиваю из бокала оливки и допиваю мартини. Оно обжигает горло. Чисто ради прикола опускаю шпажку с еще мокрыми оливками ему в стакан и слегка помешиваю.

— Какого хрена? — возмущается он, скривившись.

— Поздравляю, — отвечаю я и иду на сцену забрать награду.

Если честно, несмотря на то, что я сказала мистеру «Саузен Комфорт» с колой, все действительно началось с мертвой девушки. Неизвестную номер 4568 привезли в офис судмедэксперта округа Кук семнадцатого апреля две тысячи восемнадцатого года. Ее бросили на улице возле «Масонского медицинского центра» во время весенней грозы. Согласно отчету судмедэксперта, в венах у нее было полно героина и моноэтиленгликоля, более известного как антифриз. Ей было лет тридцать-тридцать пять. У нее были удалены миндалины и наблюдалась легкая анемия, скорее всего, из-за того, что она недавно родила. На правом бедре — большая татуировка в виде ящерицы. И у нее были светлые волосы.

Звонок застал меня за обедом с Андреем. Если бы детектив Ричардс еще ра-

ботал в полиции Чикаго, он, наверное, сам бы со мной связался. Но когда пропала моя сестра, ему уже было за сорок, и в две тысячи семнадцатом он вышел на пенсию. Сменивший его на этом месте детектив — какой-то сопляк, только что получивший повышение после работы под прикрытием в отделе нравов, — видимо, не счел нужным набрать мой номер, хотя бы из вежливости. К счастью, каждые шесть месяцев в течение последних десяти лет я угощала секретаря в приемной судмедэксперта завтраком, так что когда у нее на столе оказалось это дело, она вспомнила Мэгги и связалась со мной.

Все-таки многие детали совпадали. Возраст, волосы, удаленные миндалины. Секретарь даже не знала, что любимой плюшевой игрушкой Мэгги была синяя игуана, которую отец купил ей в зоопарке Линкольн-парка, когда ей было семь лет. Остальных особенностей с лихвой хватило, чтобы предположить, что неизвестной могла быть Мэгги.

Идея записать все случившееся принадлежала Андреа. Мы с ней раньше работали вместе, она брала у меня интервью для серии подкаста в жанре true crime, который продюсировала несколько лет. Да и дружим мы с колледжа, где она изучала журналистику, а я сначала увлекалась криминологией, потом социологией и, наконец, перешла на отделение английской литературы. Когда у меня зазвонил телефон, мы сидели во французском бистро в Лейквью, поскольку Андреа утверждала, что во время первого триместра беременности ее не тошнит только от круассанов

с кучей неподсоленного масла. Должно быть, она почувствовала, что речь идет о Мэгги, когда я встала из-за стола, чтобы ответить на звонок. Должно быть, она все поняла по тому, как я стояла на солнце у входа в бистро, прислонившись к побеленной кирпичной стене. Может, я выглядела шокированной. Может, я ухватила рукой за дверь, опасаясь потерять равновесие; может, на стекле остался белый след в форме полумесяца из отпечатков пальцев. Ничего про тот момент не помню. И все же Андреа наверняка все поняла, потому что когда я вернулась, она уже включила диктофон и положила его на стол между нами.

— Что случилось? — спросила она и подняла руку с серебряным кольцом на пальце, чтобы не дать мне поспешно ответить. Журналистка до мозга костей. — Чтоб ты знала, я записываю.

— Ага, — ответила я, чувствуя, как от лица отливает кровь, а в пальцах ощущается нервное покалывание. Как будто я спала в неудобной позе и только что проснулась. — Ну, видимо, в морге появилась неизвестная.

Я взяла вилку и воткнула ее в несколько тонущих в заправке листиков салата, прежде чем поняла, что никак не смогу поднести их ко рту, прожевать или проглотить. Андреа так поджала губы, что не стало видно ее темной помады.

— Там думают, это Мэгги? — наконец спросила она, переходя прямо к делу.

Это напомнило мне о том, почему мы дружим. Она знала, что я буду огрызаться, если начать со мной сюсюкать. Я всегда злюсь, стоит мне почувствовать, что меня жалеют.